

В.Н. Чернега

**РЕСУРСНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ИНСТРУМЕНТЫ
ДЕРЖАВНОЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ: МЕЖДУ ЖЕЛАЕМОМ
И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ**

Аннотация. Несмотря на то, что вес Франции в мировой экономике и политике в последние десятилетия неуклонно снижался, значительная часть ее населения и элит считают необходимым, чтобы страна проводила на международной арене державную политику. Ностальгия по утраченному в годы Второй мировой войны статусу великой державы проявляется, в частности, в вере многих французов в «исключительность» своей страны, в ее «особую миссию» глобального масштаба, обусловленную ее вкладом в мировую цивилизацию. В статье рассматриваются возможности и инструменты, которыми Франция располагает для проведения державного курса, в частности составляющие ее «жесткой» и «мягкой» силы. В отношении «жесткой силы» особо отмечается, что помимо ядерного арсенала, Франция обладает конвенциональными силами и сетью баз в заморских территориях и на территории других государств, которые позволяют ей проецировать военную мощь далеко за свои пределы. Основными факторами ее «мягкой силы» являются экспорт вооружений, помощь развивающимся странам, «франкофония», третья в мире сеть посольств, консульских учреждений, а также большое число различных зарубежных представительств, научных центров и учебных заведений. Однако ресурсы Франции все же недостаточны, чтобы поддерживать все эти инструменты и факторы на уровне ее державных притязаний. В статье показываются изъяны ее «жесткой» и «мягкой» силы, которые все больше накладывают ограничения на глобальную политику Парижа. Автор делает вывод, что Франция не является ни великой державой, ни обычной средней державой. Правильнее было бы назвать ее «средней державой с глобальными амбициями».

Ключевые слова: державная политика; «особая миссия»; «жесткая» и «мягкая» сила; недостаточность ресурсов; амбиции.

Чернега Владимир Николаевич – доктор юридических наук,
главный научный сотрудник Института научной информации
по общественным наукам (ИНИОН) РАН. Россия, Москва.
E-mail: v.n.tchernega@gmail.com
Web of Science Researcher ID-AAD-3569-2022
ORCID-0000-0002-3031-0187

**Chernega V.N. Resources and instruments of France's policy of power:
between the desired and the actual**

***Abstract.** Despite the fact that the weight of France in the world economy and policy has been steadily declining in recent decades, a significant part of its population and elites consider it necessary that it pursue a policy of power in the international arena. Nostalgia for the status of a great power lost during the Second World War is manifested, in particular, in the belief of many French people in the «exclusivity» of their country, in its «special mission» on a global scale, due to its contribution to world civilization. The article discusses the possibilities and tools that France has to pursue a global course, in particular, the components of its «hard» and «soft» power. With regard to «hard power», it is emphasized that, in addition to the nuclear arsenal, France has conventional forces and a network of bases in overseas territories and on the territory of other states, which allow it to project military power far beyond its borders. The main factors of its «soft power» are the export of arms, aid to developing countries, «la Francophonie», the world's third largest network of embassies, consular offices, as well as a large number of various foreign missions, research centers and educational institutions.*

However, France's resources are still insufficient to support all these instruments and factors at the level of its claims of power. The article shows the flaws of its «hard» and «soft» power, which are increasingly imposing restrictions on the global policy of Paris. The conclusion of the article is that France is neither a great power nor an ordinary middle power. It would be more correct to call it a «medium power with global ambitions».

***Keywords:** sovereign policy; «special mission»; «hard» and «soft» power; lack of resources; ambition.*

**Chernega Vladimir Nikolaevich – State Doctor of Law,
Principal Researcher of the Institute of Scientific Information
on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS).
Russia, Moscow.
E-mail: v.n.tchernega@gmail.com
Web of Science Researcher ID-AAD-3569-2022
ORCID-0000-0002-3031-0187**

Введение

Входит ли Франция в число великих держав и может ли она проводить соответствующий курс на международной арене? Со времени Второй мировой войны этот вопрос не исчезает с повестки дня экспертных обсуждений, практической политики страны, хотя с тех пор сменилось не одно поколение французских элит. Шарль де Голль, как известно, посвятил всю свою политическую карьеру восстановлению «величия» Франции, хотя и осознавал недостаточность ее экономических, финансовых и военных возможностей по

сравнению с двумя гигантами – США и СССР. Де Голль пытался в определенной мере компенсировать это созданием ядерного арсенала, «волевой» политикой на международной арене, попытками найти свою «нишу» в глобальном соперничестве сверхдержав.

При сохранении общей солидарности с Соединенными Штатами в рамках западного блока Де Голль шел на риск обострения отношений с ними, если считал, что того требуют национальные интересы. Вывод Франции из интегрированных военных структур Северо-Атлантического альянса, выдворение штаб-квартиры Альянса и закрытие 29 американских баз на французской территории в 1966 г., равно как и сближение с СССР остались в истории ярким примером его державной политики. Де Голль поддерживал участие Франции в тогдашнем ЕЭС, поскольку считал, что помимо «европейского приручения» Германии, это будет способствовать экономическому развитию Франции и повышению ее политического веса перед лицом сверхдержав. ЕЭС воплощало в его глазах «европейскую Европу», в которой Франция должна играть лидирующую роль [Peurefitte 1994, p. 273]. Как известно, Де Голль дважды, в 1963 и 1967 гг., блокировал вступление в ЕЭС Великобритании, поскольку считал ее «троянским конем» США. Однако он видел в объединении главным образом «союз наций», т.е. межгосударственное объединение.

Следует также отметить, что создание Де Голлем в 1958 г. режима Пятой республики, в рамках которого президент обладает обширными полномочиями, а внешняя политика и оборона являются «зарезервированными» за ним областями, было направлено прежде всего на то, чтобы сконцентрировать политико-дипломатические и военные возможности страны на проведении державного курса.

Преемники Де Голля на посту главы государства, независимо от их взглядов на данный режим до своего избрания, быстро привыкали к роли «республиканского монарха». В то же время они постепенно отходили от идеи «величия», как ее понимал основатель Пятой республики. Уже Жорж Помпиду (1969–1974), воспитанник банка Ротшильда, бывший премьер-министр, имевший дело прежде всего с экономическими, финансовыми и социальными реалиями, вел более гибкую политику в отношении США. При нем Великобритания была принята в ЕЭС в 1973 г. В его правление во французских элитах стало более заметным течение, придерживающееся установки, что Франция является «средней державой», которая не может позволить себе дорогостоящую внешнюю политику, риск конфронтации с американским союзником и ослабления «атлантической солидарности». Валери Жискар д'Эстен, избранный президентом в 1974 г., стал употреблять вместо «величия» термин «gauchement», который можно перевести как «блеск» или «влияние». В дальнейшем руководители Франции чаще предпочитали говорить о ее «ранге», предполагающем достойное место в мировой иерархии государств.

Результатом усиления проатлантической тенденции явилось возвращение Франции при Николя Саркози (2007–2012) в интегрированные военные структуры НАТО (кроме Группы ядерного планирования) в 2009 г. Вместе с тем французские президенты, исходя из представления о ЕЭС-ЕС как «мультипликатора» возможностей страны в экономике и на международной арене, компенсирующего недостаточность национального потенциала, постепенно отходили от дегаульевской идеи ЕС как «союза наций». Стоит упомянуть, что, к примеру, во время правления В. Жискара д'Эстена (1974–1981) министр иностранных дел Франции Жан Франсуа-Понсе впервые заговорил о «державе Европе», объективно предполагающей высокий уровень наднациональной сплоченности [Lequesne 2021, p. 78]. Именно при В. Жискаре д'Эстене начал функционировать франко-германский «тандем» как «мотор» интеграционного процесса. Свой вклад в интеграцию вносил каждый последующий глава французского государства. Но дальше всех по пути интеграции пошел Эммануэль Макрон, зарекомендовавший себя убежденным «европеистом» еще до избрания президентом в мае 2017 г. В своем получившем широкий резонанс во Франции и за рубежом выступлении в Сорбонском университете в сентябре того же года он изложил интеграционную программу, которая по существу должна была дать импульс превращению ЕС в квази-государственное образование, сочетающее элементы межгосударственного объединения, конфедерации и федерации. Суверенитет Франции в современном мире, заявил он, может быть реализован только в рамках суверенитета ЕС, который должен превратиться в такой же мировой «центр силы» как США и Китай [Initiative 2017]. Благодаря осторожной, но реальной поддержке Ангелы Меркель ряд пунктов упомянутой программы, в том числе в военной области («европейская совместная оборона»), в течение первого мандата Э. Макрона получили практическое развитие [Сидоров 2020; Чернега 2020].

Казалось бы, эти изменения должны были если не похоронить, то сделать неактуальной идею державной, самостоятельной роли Франции на международной арене. Однако как отмечено выше, вопрос о сохранении ею державного статуса по-прежнему стоит в политической повестке дня. Все французские президенты, в том числе В. Жискара д'Эстен и Э. Макрон, прибегали к державной риторике и пытались вести державную политику, там где это возможно. Французские эксперты, объясняя это противоречие, указывают на укорененность представления о таком статусе в общественном мнении. Действительно, как неизменно показывают опросы и социологические исследования, большинство французов, в том числе представители элитной прослойки и сегодня сохраняют убеждение в «исключительности» своей страны, обусловленной ее историей, в частности, той ролью, которую она сыграла в становлении «гуманистической цивилизации». Они считают ее «родиной прав человека», наследницей блестящей культуры, которая призвана нести

миру некое позитивное послание, направленное на утверждение универсальных гуманистических ценностей. Таким образом, у Франции есть «универсальная миссия», что объективно требует ее участия в глобальной политике. В тех или иных вариациях эта идея озвучивалась и продолжает озвучиваться на вершине власти. Как отмечает профессор парижской Высшей школы политических исследований (Сьянс По) Бертран Бади, в моменты международных кризисов французские президенты обычно напоминают об «особой ответственности» страны за мир и стабильность вне ее границ. Своей политикой они стремятся доказать, что Франция входит в число держав, которые «способны действовать, мешать действовать другим или принуждать их к действиям» [Badie 2021, p. 9].

Державность, естественно, предполагает сохранение национального суверенитета. Приверженность ему большинства французов ярко проявилась в виде отрицательного голосования на референдуме по проекту «европейской конституции» в 2005 г., предусматривавшей, помимо прочего, увеличение полномочий Европарламента, учреждение постов «президента» и «министра иностранных дел» ЕС (соответственно, председателя Европейского совета и Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности). Опросы свидетельствовали, что многие из этих французов в принципе поддерживали интеграцию в экономической области, но не хотели растворения страны в наднациональном ансамбле. Н. Саркози все же «продавил» одобрение указанных изменений, но на парламентском уровне, т.е. фактически обойдя результаты референдума. Однако державно-суверенистская тенденция не исчезла, более того в дальнейшем миграционный кризис в ЕС, исламистские теракты на территории Франции, потребовавшие мобилизации национально-государственных структур, привели если не к ее укреплению, то к большей кристаллизации. Это проявилось, в частности, во время президентских выборов 2017 г. Из 11 официальных кандидатов восемь выступали за большую самостоятельность Франции по отношению к ЕС, НАТО и США. Вместе они собрали в первом туре почти половину голосов. Ситуация повторилась на президентских выборах 2022 г. Более того, во втором туре суверенистка Мари Ле Пен получила 41,5% голосов, более чем на 7% превысив свой результат 2017 г. [Gouvernement 2022]. Стоит упомянуть и появление на политическом небосклоне Эрика Земмура, призывающего Францию «подняться с колен» и «стать хозяйкой своей судьбы» [Le programme d'Eric Zemmour 2022].

В правящем лагере даже такие, в целом проамериканские, президенты, как Н. Саркози или Франсуа Олланд, все же стремились избегать прямого подчинения США. Они пытались утверждать державную роль Франции там, где это не грозило подрывом «атлантической солидарности» и обострением отношений с американским «большим братом». Э. Макрон также неодно-

кратно отмечал важность этих отношений. В то же время в 2018–2019 гг. он сделал нашумевшие заявления о необходимости «европейской армии», которая защищала бы ЕС от Китая, России и США, а также о «смерти мозга НАТО». Он неоднократно подчеркивал, что Франция должна использовать в своих интересах на международной арене такие национальные «козыри», как статус ядерной державы и постоянного члена СБ ООН, военные базы за рубежом (второе место в мире после США), заморские департаменты и территории в Атлантике, в регионах Индийского и Тихого океанов, вторую в мире по размерам (также после США) морскую экономическую зону, сильные позиции в Африке. Попытки Э. Макрона проводить на практике державную политику во время его первого президентского срока были достаточно исчерпывающе проанализированы профессором МГИМО Е.О. Обичкиной [Обичкина 2021].

Иначе говоря, принадлежность к течениям «атлантистов» и «европейстов» отнюдь не несовместима с приверженностью державной роли Франции. Принципиальное различие между ними и суверенистами состоит в том, что одни пытаются примирить ее, соответственно, с проатлантической линией и равнением на США или с усилением наднационального начала в ЕС, другие считают, что это невозможно и призывают к большей державной самостоятельности. Последнее также не обязательно означает разрыв с «атлантической солидарностью» и «европейской интеграцией». М. Ле Пен, например, в ходе президентской кампании 2022 г., в отличие от аналогичной кампании 2017 г., уже не требовала выхода Франции из ЕС и возвращения к национальному франку, ограничившись обещанием добиваться трансформации объединения в «европейский альянс наций», по образцу «союза наций» Ш. де Голля. Программное положение о необходимости для страны покинуть НАТО сократилось до ее выхода из интегрированных военных структур последней [Le programme de Marine Le Pen 2017].

С точки зрения автора, про-атлантическая ориентация в контексте нынешнего глобального соперничества США и Китая, тотальной конфронтации между Западом и Россией из-за событий на Украине оставляет Франции все меньше возможностей для проведения самостоятельной державной политики. Попытки Э. Макрона подвинуть ЕС к превращению в «державу Европу», которая своими ресурсами усиливала бы политический вес Франции, также вряд ли увеличат шансы на это. Во-первых, несмотря на упомянутые выше некоторые успехи Э. Макрона в продвижении интеграции, «державные» перспективы ЕС на данном этапе остаются туманными, особенно в оборонной области, где объединение пока фактически находится в прямом подчинении у НАТО. Вступление в Альянс Швеции и Финляндии также будет означать усиление «атлантической» тенденции. Во-вторых, если в 60-е годы Франция могла надеяться на политическое лидерство в ЕС в составе шести государств,

то сейчас, даже после «Брекзита», с учетом ее относительно скромного экономического потенциала, притязания подвинуть в нужную ей сторону 27 членов выглядят все менее реалистичными. Конечно, «тандем» с Германией может облегчить эту задачу. Однако при все большем превосходстве Германии в экономике, именно она будет определять содержание интеграционных проектов, а ее одобрение будет во многом определять решение вопроса о поддержке со стороны ЕС французских инициатив или акций в тех или иных регионах мира. В-третьих, хотя Э. Макрон, как и его предшественники, старается сохранить в ЕС важную роль Европейского совета, в котором представлены государства, усиление наднационального начала в объединении объективно несет риск маргинализации данного органа.

Но можно ли считать, что позиция суверенистов, считающих что Франция может и должна проводить самостоятельную державную политику, более обоснована? Способна ли страна реально претендовать на место среди великих держав или она находится в какой-то другой категории? В связи с этими вопросами представляется целесообразным хотя бы очень схематично рассмотреть ресурсы и инструменты, которые Франция может использовать для проведения державного курса.

«Жесткая» и «мягкая» сила Франции

Основой «жесткой силы» Франции и важнейшим фактором ее «державности» является, конечно, ядерный арсенал. Со времени Ш. де Голля во французской военной доктрине делается акцент на том, что он представляет собой инструмент «сдерживания слабого сильным», поскольку у страны никогда не было возможности создать ядерные силы, сопоставимые с советскими (российскими) и американскими. Отсюда также понятие «строгой достаточности» данного арсенала, определяемого как способность нанести неприемлемый ущерб любому потенциальному агрессору. При всей расплывчатости этого понятия считается, что с периода правления Н. Саркози речь идет о 300 боеготовых ядерных зарядах. Носителями является «стратегическая диада», состоящая из четырех атомных подводных лодок и 52 самолетов «Mirage 2000 N» и «Rafale B» [Baille 2019, p. 67].

Следует, однако, указать, что вопреки идеям «слабый против сильного» и «строгой достаточности» в интерпретации французских президентов «сдерживание» никогда не ограничивалось защитой национальной территории. Ф. Олланд, например, заявлял: «Сдерживание – это то, что дает нам возможность при любых обстоятельствах сохранять свободу действий и свободу принятия решений... Ядерные силы позволяют гарантировать, что наши международные обязательства будут всегда выполняться» [Déclaration d M. François

Hollande 2015]. Э. Макрон со своей стороны, подчеркнув, что эти силы являются «ключом свода нашей обороны», связал их с общей стратегией, «обеспечивающей свободу действий и защиту суверенных интересов Франции повсюду в мире, как того требует наша заморская география и густая сеть стратегических партнерств, а также поддержание нашего ранга и нашего влияния среди наций» [Déclaration de M. Emmanuel Macron 2020].

Разумеется, ядерный арсенал Франции, при всем ключевом значении для ее «державности», не может прямо задействоваться для обеспечения французских интересов в мире. Эта задача возлагается на конвенциональные силы. В связи с этим стоит отметить, что многие французские эксперты называют свою страну «интервенционистской» державой. Действительно, со времени Ш. де Голля и до прихода к власти Э. Макрона Франция осуществила 53 крупные военные операции за пределами национальной территории (opérations extérieures или сокращенно OPEX) [Schmitt 2021, p. 184]. В качестве недавних примеров можно вспомнить операции в Африке, в частности в регионе Сахеля, а также в Афганистане, Ливии, Ираке, Сирии. Тот факт, что в большинстве случаев она делала это в составе коалиций, в том числе под эгидой ООН, и что одновременно французская дипломатия декларирует приверженность мирному разрешению конфликтов, сути дела не меняет. Применение «жесткой» силы считалось и считается французскими руководителями очень важным фактором державной внешней политики. Участие в миротворческих операциях ООН призвано подтверждать, что Франция обоснованно является постоянным членом СБ ООН.

Около 30 тыс. французских военных постоянно мобилизованы для участия в OPEX, значительная их часть дислоцирована на зарубежных базах. Эти последние делятся на две категории: «передовые оперативные базы» (BOA); «оперативные полюса сотрудничества» (POC). В первом случае речь идет о базах в Африке и на Ближнем Востоке (Джибути, Кот-д'Ивуар, ОАЕ), служащих «опорными пунктами» и местами сосредоточения резервов на случай необходимого вмешательства в «кризисные ситуации». Во втором случае это контингенты, задачей которых является модернизация и обучение вооруженных сил государств-партнеров (Сенегал, Габон). Существуют и «гибридные» силы, как например, более чем пятитысячный контингент, действовавший до недавнего времени в Мали в рамках антиджихадистской операции «Бархан», но одновременно помогавший этой стране, а также Буркина-Фасо, Мавритании, Нигеру и Чаду укреплять их национальные армии. В основном эти войска дислоцировались на опорных пунктах в Мали, но также использовали небольшие базы на территории остальных стран. После прекращения операции «Бархан» во второй половине 2021 г. их значение для французской армии резко возросло, особенно в Нигере.

К силам, расположенным за рубежом, следует прибавить контингенты, находящиеся в заморских департаментах и территориях Франции, за многие тысячи километров от бывшей колониальной метрополии. С учетом возрастающей важности в мировом экономическом и геополитическом раскладе Юго-Восточной и Южной Азии, особое значение французские руководители придают сейчас базам, находящимся на островах Реюньон, Майотта, а также на Новой Каледонии, т.е. в акваториях Индийского и Тихого океанов. Прошедший в декабре 2021 г. на Новой Каледонии третий (и последний) референдум по вопросу о независимости, закончившийся победой сторонников сохранения острова в составе Франции, вызвал в Елисейском дворце настоящий вздох облегчения. Новая Каледония рассматривается французскими стратегами как важнейший форпост влияния в этой зоне, а растущая экономическая активность Китая на нем как угроза ему. На Новой Каледонии, а также на островах Французской Полинезии дислоцированы 2,8 тыс. французских военных, на Реюньоне и Майотте – 1,95 тыс. (они объединены в рамках Вооруженных сил южной зоны Индийского океана – FASZOI) [Ministère des Armées, Les Forces Armées 2021]. Вместе с тем значительные контингенты расположены в Атлантике, в частности во Французской Гвиане, где находится космодром в Куру (2,3 тыс. человек), а также на Антильских островах (1,25 тыс.) [Schmitt 2021, p. 85].

Содержание всех этих баз и контингентов всегда дорого обходилось французскому государству и негативно сказывалось на финансировании многих других компонентов вооруженных сил. Длительное время разработчики оборонного бюджета страны были вынуждены кроить и перекраивать его, чтобы свести концы с концами, поскольку общественное мнение было против роста военных расходов. Когда в 2017 г. к власти пришел Э. Макрон, оборонный бюджет составлял 32,4 млрд евро, или 1,8% ВВП. Вначале новый президент еще сократил его на 850 млн евро и даже уволил пытавшегося протестовать начальника генерального штаба генерала П. де Вилье. Однако в следующем году, по его инициативе, был принят закон о военном программировании на 2019–2025 гг., согласно которому военные расходы должны возрасти до 45 млрд евро и достичь планки в 2% ВВП, требуемой НАТО. На 6 тыс. человек (до 274 тыс.) увеличивается численность личного состава, в том числе для покрытия потребностей новых родов войск, в частности космических и кибер-сил [Loi N 2018–607].

Применительно к теме настоящей статьи, следует выделить три аспекта этого закона: в нем подчеркивается необходимость иметь «полную армию», располагающую всей гаммой вооружений и средств для обеспечения национальной безопасности; около 25 млрд евро предназначаются для поддержания в боеготовности и совершенствования ядерного арсенала; примерно на 2% увеличиваются расходы на ОПЕХ.

В «Стратегическом обзоре обороны и национальной безопасности 2017», который послужил обоснованием для указанного закона, говорилось о необходимости отвечать на «новые угрозы», в частности в Европе со стороны России, но одновременно подчеркивался императивный характер выполнения Францией ее международных обязательств, в том числе перед союзниками и партнерами в различных регионах мира [Ministère des Armées. Revue stratégique 2017].

Важнейшую роль в поддержании «полной армии» призван играть французский военно-промышленный комплекс – один из самых крупных на Западе. Стоит упомянуть, что Э. Макрон в целях его укрепления сразу после прихода к власти, в мае 2017 г., учредил Национальный инвестиционный фонд обороны. Новые заказы, связанные с ростом оборонного бюджета, должны придать ВПК дополнительный импульс, однако даже с учетом этого общее их число все же недостаточно для производства вооружений крупными сериями, и, соответственно, понижения себестоимости изделий. Между тем в большинстве случаев разработка новых видов оружия стоит все дороже. Отсюда огромное внимание, которое все французские президенты уделяли продвижению национальной военной продукции за рубежом. Благодаря соглашениям, подписанным Н. Саркози и Ф. Олландом, Франция экспортировала ее, например в 2018 г., на рекордную сумму в 9,1 млрд евро, заняв в результате третье место в мире после США и России [Bauer 2020]. Личным достижением Э. Макрона в данном плане можно считать сделку, заключенную им во время визита в ОАЭ в декабре 2021 г. на приобретение этой страной 80 боевых многоцелевых самолетов «Рафаль», гордости французской авиационной индустрии, а также соглашение с Индонезией, подписанное в феврале 2022 г., на поставку ей 42 таких самолетов [Massion, Bauer 2021; L'Indonésie 2022].

Если главной задачей ВПК является обеспечение материально-технической основы «жесткой силы», экспорт вооружений относится к «мягкой силе», поскольку он создает определенную зависимость государства-покупателя от поставщика (кредиты, обучение персонала, сервисное обслуживание, запасные части и т.п.) и тем самым позволяет последнему утверждать свое влияние. Существует множество определений такой «силы», однако большинство специалистов сходятся с американским автором Дж. Наем, запустившим в оборот это понятие еще в 80-е годы, что речь идет прежде всего о наборе политико-дипломатических, финансово-экономических, промышленно-технологических и культурных инструментов, которые позволяют влиять на политику других государств без применения грубого давления и тем более прямого военного вмешательства.

Некоторые французские исследователи трактуют данное понятие более широко и включают в факторы «мягкой силы» своей страны притягательность ее социальной модели, в основе которой лежит щедрая система социальной

защиты. Другие авторы подчеркивают ее туристическую привлекательность. Как не без гордости пишет, например, преподаватель Сьянс По Ф. Пармантье, Франция является «великой туристической державой», что дает ей возможность одновременно поддерживать свой престиж в мире и обеспечивать приток значительных средств в национальную экономику. Действительно, в 2019 г., до пандемии коронавируса, Францию с туристическими целями посетили около 90 млн иностранцев, что ставит ее в один ряд с мировыми лидерами в этой области – США и Великобританией [Parmentier 2021, p. 38]. Американская неправительственная организация Америко-калифорнийский центр публичной дипломатии (USC Center on Public Diplomacy), руководствуясь таким широким представлением о «мягкой силе», в 2017 и 2019 гг. ставила Францию на первое место в мире [La France 2020].

Однако большинство французских экспертов выдвигают на передний план четыре инструмента: финансово-экономическая помощь, которую Франция оказывает развивающимся государствам, экспорт вооружений, «франкофония», третья в мире, после США и Китая сеть посольств, генеральных консульств и консульств, а также значительное число других французских заграничных учреждений. Французские специалисты отмечают, что хотя Франция является седьмой страной мира по размеру ВВП, по объему упомянутой помощи она занимает пятое место (после США, Великобритании, Германии и Японии). К примеру, в «допандемийном» 2019 г. Французское агентство развития (AFD) предоставило развивающимся государствам займов и кредитов на сумму в 38 млрд евро, а вместе с другими министерствами и ведомствами выдало им дотаций и субсидий на сумму в 12,4 млрд евро. В марте 2021 г. Франция обязалась увеличить эту безвозмездную помощь в 2022 г. до 15 млрд евро, а к 2025 г. довести ее до 18 млрд [Ministère de l'Europe 2019; Aide au développement 2021].

О втором инструменте уже говорилось выше. Третий инструмент, «франкофония», основывается на использовании в целях обретения влияния французского языка и французской цивилизации. Сам этот термин, появившийся в конце XIX в., соединяет в себе лингвистический и культурно-ценностный аспекты. В 1986 г. усилиями Франции была создана Международная организация франкофонии (OIF), направленная на поддержание и расширение франкофонного пространства. В нее входят сегодня 54 государства-члена, семь ассоциированных членов и 27 государств-наблюдателей. OIF опирается на 300 млн человек в разных странах, для которых французский язык является родным или вторым (пятое место в мире после китайского, английского, хинди и испанского). С точки зрения «франкофонии» важно также, что французский является одним из официальных языков ООН и ряда других международных организаций. OIF, кстати, имеет свои представительства в 36 международных организациях и в ЕС, она сотрудничает со структурами ООН, в

том числе в вопросах урегулирования конфликтов. OIF регулярно проводит саммиты глав государств и правительств (последний состоялся в 2018 г. в Ереване), в промежутках между ними проходят заседания Министерской конференции. Среди других ее органов заслуживают упоминания Парламентская ассамблея, Международная ассоциация мэров-франкофонов, Университетское агентство франкофонии. Организация располагает Многосторонним единым фондом для реализации проектов технологического, научно-технического и культурно-гуманистического характера, а также телевизионным каналом TV 5 Monde (La Francophonie 2020).

Четвертый инструмент, как уже было сказано, состоит из посольств (162), генеральных консульств и консульств (88), постоянных представительств при международных организациях (28), а также многочисленных представительств AFD, «французских институтов», научно-исследовательских центров, финансируемых Францией, школ в различных странах, работающих под эгидой Агентства по французскому образованию за рубежом (AEFE) [Charillon 2021, p. 17]. К этим последним следует прибавить учебные заведения по изучению французского языка и французской культуры в рамках Французского альянса (Alliance Française), действующие в 146 государствах. Формально Французский альянс является неправительственной организацией, в действительности он контролируется министерством иностранных дел Франции. Хотя названные школы, «институты», центры, учебные заведения не находятся под эгидой OIF, они, конечно, работают на цели «франкофонии».

Что касается столь большого числа посольств и самостоятельных консульских учреждений (не являющихся частью дипломатической миссии), то, как отмечает, например, профессор Сьянс По Кристиан Лекен, оно соответствует «державной» традиции, которая требует «физического присутствия» Франции в государстве, с которым поддерживаются дипломатические отношения, даже если речь об «очень маленькой команде». Он указывает также, что в 2020 г. французский МИД добился того, чтобы бюджеты представителей различных ведомств, входящих в состав посольств, контролировались генеральными секретарями последних. В результате резко возросла роль посольств в координации действий таких ведомств в странах пребывания. Многочисленные представительства при международных организациях также вписываются в «державную» традицию. Стоит упомянуть, что, помимо дипломатических миссий, консульских учреждений и различных представительств, Франция содержит за рубежом 88 военных атташе (с соответствующими аппаратами) и военных миссий. В их функции, наряду с прочим, обычно входят развитие военного сотрудничества и содействие экспорту французских вооружений [Lequesne 2021, p. 163–169; Schmitt 2021 p. 190].

Изыяны «жесткой» и «мягкой» силы

Таким образом, на первый взгляд Франция обладает достаточной «жесткой» и «мягкой» силой, чтобы претендовать на проведение глобальной державной политики. Однако при более детальном анализе вырисовывается весьма неоднозначная ситуация. Так, одной из причин неудачи военной операции «Бархан» в Мали, по единодушному мнению французских военных экспертов, явилась недостаточность сил и средств, которые французская армия смогла задействовать в ее рамках. Франция была вынуждена просить помощи в ЕС, которая была оказана, но направленные рядом государств-членов подразделения выполняли в основном вспомогательную функцию и не были способны серьезно повлиять на ситуацию. Вместе с тем в ряде случаев характер этой помощи показывал, что Франции пока еще далеко до «полной армии». Так, из-за слабости собственной дальней военно-транспортной авиации Франции пришлось использовать для переброски живой силы и различных грузов для нужд контингента в Мали самолеты C-300 военно-транспортной авиации Германии. Более того, как и в ходе операций в Ливии, Ираке и Сирии, французские ВС должны были опираться на элементы логистики и разведывательные службы США или НАТО (что по большому счету одно и то же).

Выше уже говорилось, что закон о военном программировании на 2019–2025 гг. предусматривает рост военных расходов Франции с 1,8% до 2% ВВП, что в принципе позволяет французской армии расширить свои возможности. Российская специальная военная операция на Украине используется сейчас как предлог для оправдания наращивания ею боевого потенциала. Однако в связи с нанесенным пандемией коронавируса мощным ударом по экономике и финансовым ресурсам страны достигнуть поставленных целей будет весьма затруднительно. К примеру, государственный долг Франции вырос с 55% ВВП в 2019 г. до 115,7% в 2020 г., бюджетный дефицит за то же время с 3,1% ВВП до 9,2%. Государственные расходы, которые и без того были самыми высокими среди стран ОЭСР – 55,4% ВВП, достигли в 2020 г. рекордных 61,8%. [Les dépenses 2021]. К сказанному следует прибавить существенное повышение цен на сырье, горючее, газ, электричество, многие виды промышленной и сельскохозяйственной продукции. Экономический рост в 7% в 2021 г., после падения на 8,3% в предыдущем году из-за пандемии коронавируса, внушил властям определенный оптимизм, но в первом квартале 2022 г. он оказался нулевым [Croissance 2022]. Санкционная война, развязанная Западом, в частности Евросоюзом, против России, обернулась усугублением всех этих негативных процессов.

В более широком плане главной проблемой с точки зрения содержания державной армии, как и проведения державной внешней политики, является недостаточность экономического потенциала страны, которая, к тому же, дли-

тельное время усугубляется, особенно в относительном выражении (т.е. по сравнению с другими государствами). Французский специалист Ж-Р. Жуанни, сопоставляя в экономическом плане Францию с Германией приводит следующие цифры: удельный вес в ВВП добавленной стоимости, производимой французской промышленностью, снизился с 30,2% в 1960 г. до 17% в 2018 г., в то время как аналогичный показатель Германии остался на уровне 27%. Доля Франции во внутренней торговле ЕС сократилась с 2000 по 2018 г. с 12 до 9%, Германия за тот же период нарастила свою долю с 20 до 22%. На мировом рынке товаров и услуг удельный вес Франции уменьшился с 1990 по 2018 г. с 6,4 до 3,5%, Германия также «просела», однако не так сильно и ее доля более чем в 2 раза превышает французскую – 7,6% [Jouanny 2021, p. 69]. К этому следует добавить, что Франция отстает по конкурентоспособности своей промышленности от многих западных государств, в том числе от США, Германии, Японии, а по развитию цифровых технологий – от большинства своих партнеров по ЕС.

Конечно, французская экономика по-прежнему входит в десятку крупнейших в мире. Однако ослабление ее позиций в мире медленно, но верно влечет за собой снижение общего международного веса страны, что, помимо прочего, негативно сказывается на экспорте вооружений. Круг крупных покупателей французских вооружений сравнительно узок, важное место среди них занимают Египет, Катар, Кувейт, ОАЕ, Саудовская Аравия, режимы которые пользуются плохой репутацией во Франции. Оппозиционные силы страны, особенно в левом лагере, не упускают возможности в связи с этим подвергнуть критике президента и правительство. Э. Макрон прилагает большие усилия, чтобы переориентировать данный экспорт на рынки Запада, особенно ЕС. В 2021 г. ему удалось продвинуть соглашения о покупке 24 самолетов «Рафаль» Грецией и 12 Хорватией. Но одновременно сорвалась крупная сделка с Финляндией, которая в декабре того же года предпочла купить вместо «Рафалей» американские самолеты F-35. Ранее, в 2018 г., такой же выбор сделала Бельгия, а в 2020 – Польша [Massion, Bauer 2021]. Еще более тяжелый удар Франция получила в сентябре 2021 г., когда в результате заключения Соединенными Штатами, Великобританией и Австралией оборонного соглашения AUKUS, последняя внезапно аннулировала сделку с Францией на приобретение 12 дизельных подлодок на сумму 56 млрд евро, чтобы закупить американские атомные подлодки [Guisnel 2021]. Заключение упомянутой выше сделки с Индонезией в феврале 2022 г. на поставку 42 «Рафалей» стоимостью 8,1 млрд евро несколько смягчило горечь этой неудачи, но в марте 2022 г. новый удар по престижу Франции нанесла Германия, объявившая о планах закупки 35 F-35, несмотря на сотрудничество двух стран в деле создания нового «европейского» многоцелевого боевого самолета [L'Indonésie 2022; L'Allemagne 2022].

Экономическая слабость Франции не позволяет ей нарастить безвозмездную помощь развивающимся странам до 1% ВВП, хотя эта цель ставится ею уже около 50 лет. Даже если в 2025 г., как указано выше, такая помощь достигнет 18 млрд евро (что с учетом экономических последствий пандемии коронавируса и санкционной войны с Россией весьма сомнительно), это будет равнозначно 0,7% ВВП. Между тем африканские страны, являющиеся ее основными получателями (на первом месте до сих пор была Мали), считают ее недостаточной и все чаще обращают свои взоры к другим донорам, в том числе к Китаю, который, естественно, не упускает случая усилить свои стратегические позиции в регионе. Открытие китайской военной базы в Джибути в 2017 г. было в связи с этим весьма симптоматичным. Стоит упомянуть, что в плане инвестиций и торговли Францию, даже в бывших ее колониях в Юго-Западной Африке, обгоняет Германия. Влияние Франции в них снижается, что, помимо прочего, показал последний саммит глав государств и правительств Африка–Франция в октябре 2021 г. в Монпелье. Автору статьи довелось посмотреть дебаты на нем с участием Э. Макрона по французскому телевидению. Лейтмотивом выступлений африканских участников, были, с одной стороны, жалобы на «несоответствующую потребностям и плохо адаптированную к местным реалиям» помощь Франции, с другой – неприятие «французского патернализма», который, как подчеркивалось, не исчез вместе с колониальной эпохой. Обострение отношений между Францией и Мали после военного переворота в этой стране в мае 2021 г., панические сообщения французских СМИ о ее «повороте в сторону Москвы» (ранее то же самое говорилось о ЦАР), отразили указанную выше тенденцию к ослаблению роли Франции.

Между тем влияние в африканских странах до сих пор считалось руководителями Франции одним из важнейших факторов ее державности. Э. Макрон, с учетом растущего населения и экономического потенциала Африки, неоднократно называл ее «континентом будущего». Он подчеркивал, что по прогнозам специалистов-демографов в 2050 г. в африканских странах с присутствием французского языка будет жить около 700 млн жителей, что должно дать новые шансы «франкофонии» [Maston 2016, p. 97]. Однако в этой области также наметились тревожные тенденции, связанные, с одной стороны, с развитием местных языков, с другой – с экспансией английского. Еще в 2008 г. Руанда, например, где долгое время в государственном аппарате доминировал французский, перевела его на английский. Французские специалисты отмечают в связи с этим неустойчивость позиций «языка Мольера» в ДРК, где формально проживают больше его носителей, чем в самой Франции. Продвижению английского, помимо прочего, способствует цифровизация экономик и различных сфер жизни, доминирование в мире американских «цифровых гигантов».

Французский язык постепенно уступает свои позиции английскому в международных организациях. Автору довелось наблюдать это во время работы

в Совете Европы в 1998–2013 гг. Уменьшается использование французского языка в ЕС. Э. Макрону приходилось жаловаться на то, что несмотря на выход из объединения Великобритании, ему все чаще приходится выступать на евросоюзских мероприятиях на английском языке, так как большинство участников французский не понимают, а перевод чреват искажениями важных моментов.

Наконец, Франции все тяжелее содержать описанную выше огромную сеть заграничных учреждений и заведений, в том числе дипломатических и консульских миссий. Уже упоминавшийся К. Лекен указывает, например, что с 2007 по 2020 г. бюджет и численность сотрудников системы министерства иностранных дел страны сократились на 20% (в абсолютном выражении число сотрудников уменьшилось на 3 тыс.). Более того, по решению правительства, принятому в 2019 г., и без того урезанный фонд заработной платы МИДа должен уменьшиться в 2022 г. еще на 5,7%. Правда, в 2020 г. тогдашний министр иностранных дел Ж.-И. Ле Дриан смог увеличить его бюджет на 3,7%, Правительство и парламент, однако, считали, что дипломатический инструмент обходится стране слишком дорого [Lequesne, p. 167]. В апреле 2022 г. Э. Макрон издал указ о реформе дипломатической службы, предусматривающий, помимо прочего, сокращение на 50% персонала МИДа в возрасте до 30 лет, уменьшение числа консульских учреждений, перевод советников-посланников и советников (700 человек) из особой категории дипломатических работников в категорию обычных государственных служащих. Сотрудники МИДа даже объявили забастовку [Décret N 2022–561].

Резюмируя, можно утверждать, что с учетом сказанного Францию вряд ли можно назвать полноценной великой державой. Но она не является и «средней державой» в полном смысле этого слова. Французские эксперты, которые говорят о «средней державе с глобальным призванием» или с «глобальными амбициями» [Vitto 2021, p. 245], скорее, ближе к истине. Международные позиции Франции медленно, но верно ослабляются, что, как замечает известный французский международник, профессор университета Клермон-Овернь Ф. Шарийон, является «огромным вызовом» для страны, которая психологически к нему не готова [Charillon 2001, p. 26].

Библиография

Сидоров А.С. «Европейская оборона» через призму французских интересов и возможностей // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 137–169.

Обичкина Е.О. Внешняя политика Эмманюэля Макрона: поиски геополитической стратегии в разладившейся мировой иерархии // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 3. С. 235–274.

Чернега В.Н. Европейский проект Э. Макрона и Россия // Международная жизнь. 2020. № 2. С. 57–72.

Aide au développement: la France s'engage à donner plus aux pays pauvres // La Croix. 2021. 02 Mar. URL: <https://www.la-croix.com/Economie/Aide-developpement-France-sengage-donner-pays-pauvres-2021-03-12-1201143285> (дата обращения: 21.03.2022).

Badie B. Entre obsession du passé et et réalité présente, une politique étrangère décalée // Badie B., Vidal D. La France, une puissance contrariée. L'Etat du monde 2022. Paris: Editions La Découverte, 2021. P. 9–20. 261 p.

Baille M-L. L'épisode nucléaire tactique français // La France et l'arme nucléaire français au XXIe siècle. Sous la direction de Nicolas Haupaïs. Paris: CNRS Editions. 2019. 262 p.

Bauer A. La France réoriente ses exportations d'armes vers l'Europe // Les Echos. 2020. 2 Juin. URL: <https://www.lesechos.fr/industrie-services/air-defense/la-france-reorientee-ses-exportations-darmes-vers-leurope=1207643> (дата обращения: 26.03.2022).

Charillon F. Introduction // La France dans le monde. Sous la direction de Frédéric Charillon. Paris: CNRS Editions, 2021. P. 9–26. 222 p.

Croissance nulle pour la France au premier trimestre 2022 // La Croix. 2022. 29 Avr. URL: <https://www.la-croix.com/Economie/croissance-nulle-au-premier-trimestre-2022-2022-04-29-1201212701> (дата обращения: 29.03.2022).

Déclaration de M. Emmanuel Macron, président de la République, sur la stratégie de défense et de dissuasion, à Paris, le 7 février 2020 // République Française. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/273257-emmanuel-macron-07022020-politique-de-defense> (дата обращения: 17.03.2022).

Déclaration de M. François Hollande, Président de la République, sur la dissuasion nucléaire, à Istres, le 19 février 2015 // ELYSSEE. 2015. 19 Fev. URL: Déclaration de M. François Hollande, Président de la République, sur la dissuasion nucléaire, à Istres le 19 février 2015 / Élysée (elysee.fr) (дата обращения: 15.03.2022).

Décret № 2022–561 du 16 avril 2022 portant application au ministère de l'Europe et des affaires étrangères de la réforme de la haute fonction publique et modifiant le décret № 69–222 du 6 mars 1969 astatut particulier des agents diplomatiques et consulaires // Journal officiel de la République française. № 0091. 2022. 17 avril. Texte № 2.

Guisnel J. Trafalgar australien sur les sous-marins français // Le Point, 2021. 16 Sep. URL: https://www.lepoint.fr/monde/sous-marins-l-australie-rompt-le-contrat-du-siecle-avec-la-france-16-09-2021-2443427_24.php#11 (дата обращения: 16.01.2022).

Jouanny J-R. Le déterminant économique // La France dans le monde. Paris : CNRS Editions, 2021. P. 61–78.

L'Allemagne achète des F-35 américains : ah, elle est belle «la défense européenne»! // Marianne. 2022. 16 Mar. URL: <https://www.marianne.net/societe/defense/lallemagne-achete-des-f-35-americaains-ah-elle-est-belle-leurope-de-la-defense> (дата обращения: 25.07.2022).

L'Indonesie s'offre 42 Rafale // Les Echos. 2022. 10 Fev. URL: <https://www.lesechos.fr/industrie-services/air-defense/lindonesie-achete-six-rafale-et-prevoit-den-commander-36-supplementaires-1385915> (дата обращения: 15.03.2022).

La France, une nation toujours influente // Areion24 News. 2020. 24 Dec. URL: <https://www.areiion24.news/2020.12.24/la-france-une-nation-toujours-influente/> (дата обращения: 16.11.2021).

La Francophonie en bref // Organisation Internationale de la francophonie. URL: <https://www.francophonie.org/la-francophonie-en-bref-754> (дата обращения: 15.12.2021).

Le programme d'Eric Zemmour à la présidentielle 2022 // Programme.ericzemmour. URL: https://assets.nationbuilder.com/themes/61c071ce4764e8b1483d1a8c/attachments/original/1648220408/programme_eric_zemmour_presidentielle_2022.pdf?1648220408 (дата обращения: 22.02.2022).

Le programme de Marine Le Pen pour la présidentielle 2017 // Le Parisien. 2017. 23 Avr. URL: <https://www.leparisien.fr/elections/presidentielle/le-programme-de-marine-le-pen-pour-la-presidentielle-2017-13-02-2017-6677067.php> (дата обращения: 15.03.2022).

Lequesne Ch. Réflexions sur l'outil diplomatique de la France // La France dans le monde. Paris: CNRS Editions, 2021. P. 163–177.

Lequesne Ch. Recurrences et changements dans l'engagement européen // Badie B., Vidal D. La France, une puissance contrariée. Paris: Editions La Découverte, 2021. P. 72–80.

Les chiffres de l'aide française // Ministère de l'Europe et des des Affaires Etrangères. France Diplomatie. 2019. URL: Ministère de l'Europe et des des Affaires Etrangères. France Diplomatie. Les chiffres de l'aide française 2019 (дата обращения: 26.04.2022).

Les dépenses publiques pendant la crise et le bilan opérationnel de leur utilisation. Cour des comptes // Vie publique. 2021. 09 Sep. URL: <https://www.vie-publique.fr/sites/default/files/rapport/pdf/281413.pdf> (дата обращения: 15.10.2021).

Les Forces Armées dans la zone sud de l'Océan indien // Ministère de Armées. 2021. URL: <https://www.defense.gouv.fr/operations/forces-prepositionnees/forces-souverainete/forces-armees-zone-sud-locean-indien> (дата обращения: 15.12.2021).

Les résultats du second tour de l'élection présidentielle // Gouvernement. 2022. 25 Avr. URL: <https://www.gouvernement.fr/actualite/les-resultats-du-second-tour-de-lelection-presidentielle> (дата обращения: 29.04.2022).

Loi № 2018–607 du 13 juillet 2018 relative à la programmation militaires pour les années 2019 à 2025 et portant diverses dispositions intéressant la défense // Journal officiel de la République française. № 161 2018. 14 juill. texte 1.

Macron E. Révolution. Paris: Editions XO, 2016. 268 p.

Massion F., Bauer A. La Finlande préfère le F-35 au Rafale // Les Echos. 2021. 10 Dec. URL: <https://www.lesechos.fr/industrie-services/air-defense/la-finlande-prefere-le-f-35-au-rafale-et-passe-une-commande-de-8-milliards-deuros-1371680> (дата обращения: 20.01.2022).

Maussion F. Rafale: les pays du Golf, meilleurs clients de l'industrie militaire française // Les Echos. 2021. 04 Dec. URL: <https://www.lesechos.fr/industrie-services/air-defense/rafale-les-pays-du-golf-meilleurs-clients-de-l-industrie-militaire-francaise-13669613> (дата обращения: 10.01.2022).

Ministère des Armées. Revue stratégique : une analyse lucide et volontariste pour préparer la prochaine loi de programmation militaire // Ambassade de France Au Japon. URL: <https://jp.ambafrance.org/Revue-strategique-une-analyse-lucide-et-volontariste-pour-preparer-la-prochaine> (дата обращения: 15.10.2021).

Parmentier F. Les déterminants politiques // La France dans le monde, Paris: CNRS Editions, 2021. P. 29–43.

Peyrefitte A. C'était de Gaulle. Tome 1. La France redevient la France. Paris: Editions Fallois Fayard, 1994. 598 p.

Projet pour la France de Marine Le Pen. M. la France. Mon projet présidentiel. URL: <https://www.mlafrance.fr/pdfs/manifeste-m-la-france-programme-presidentiel.pdf> (дата обращения: 12.03.2022).

Schmitt O. L'épée et la carte: les forces armées et la présence française dans le monde // La France dans le monde. Paris: CNRS Editions, 2021. P. 179–193.

Vitto A. L'interventionnisme pour maintenir la place de la France dans le monde // Badie B., Vidal D. La France, une puissance contrariée. Paris: La Découverte, 2021. P. 244–249.

References

Aide au développement: la France s'engage à donner plus aux pays pauvres // La Croix. 2021. 02 Mar. URL: <https://www.la-croix.com/Economie/Aide-developpement-France-sengage-donner-pays-pauvres-2021-03-12-1201143285> (date of access: 21.03.2022).

Badie B. Entre obsession du passé et et réalité présente, une politique étrangère décalée // Badie B., Vidal D. La France, une puissance contrariée. L'Etat du monde 2022. Paris: Editions La Decouverte, 2021. P. 9–20. 261 p.

Baille M-L. L'épisode nucléaire tactique français // La France et l'arme nucléaire français au XXIe siècle. Sous la direction de Nicolas Haupaïs. Paris: CNRS Editions. 2019. 262 p.

Bauer A. La France réoriente ses exportations d'armes vers l'Europe // Les Echos. 2020. 2 Juin. URL: <https://www.lesechos.fr/industrie-services/air-defense/la-france-reorientee-ses-exportations-darmes-vers-leurope=1207643> (date of access: 26.03.2022).

Charillon F. Introduction // La France dans le monde. Sous la direction de Frédéric Charillon. Paris: CNRS Editions, 2021. P. 9–26. 222 p.

Chernega V.N. Evropejskij proekt E'. Makrona i Rossiya [European project of E. Macron and Russia] // Mezhdunarodnaya zhizn' [International life]. 2020. N 2. S. 57–72. (In Russ.)

Croissance nulle pour la France au oremier trimestre 2022 // La Croix. 2022. 29 Avr. URL: <https://www.la-croix.com/Economie/croissance-nulle-au-premier-trimestre-2022-2022-04-29-1201212701> (date of access: 29.03.2022).

Déclaration de M. Emmanuel Macron, président de la République, sur la stratégie de défense et de dissuasion, à Paris, le 7 février 2020 // Republique Francaise. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/273257-emmanuel-macron-07022020-politique-de-defense> (date of access: 17.03.2022).

Déclaration de M. François Hollande, Président de la République, sur la dissuasion nucléaire, à Istres, le 19 février 2015 // ELYSSEE. 2015. 19 Fev. URL: Déclaration de M. François Hollande, Président de la République, sur la dissuasion nucléaire, à Istres le 19 février 2015. / Élysée (elysee.fr) (date of access: 15.03.2022).

Décret N 2022–561 du 16 avril 2022 portant application au ministère de l'Europe et des affaires étrangères de la réforme de la haute fonction publique et modifiant le décret N 69–222 du 6 mars 1969 astatut particulier des agents diplomatiques et consulaires // Journal officiel de la République française. N 0091. 2022. 17 avril. Texte N 2.

Guisnel J. Trafalgar australien sur les sous-marins français // Le Point, 2021. 16 Sep. URL: https://www.lepoint.fr/monde/sous-marins-l-australie-rompt-le-contrat-du-siecle-avec-la-france-16-09-2021-2443427_24.php#11 (date of access: 16.01.2022).

Jouanny J-R. Le déterminant économique // La France dans le monde. Paris : CNRS Editions, 2021. p. 61–78.

L'Allemagne achète des F-35 américains : ah, ele est belle «la défense européenne»! // Marianne. 2022. 16 Mar. URL: <https://www.marianne.net/societe/defense/lallemagne-achete-des-f-35-americaains-ah-ele-est-belle-leurope-de-la-defense> (date of access: 25.07.2022).

L'Indonesie s'offre 42 Rafale // Les Echos. 2022. 10 Fev. URL: <https://www.lesechos.fr/industrie-services/air-defense/lindonesie-achete-six-rafale-et-prevoit-den-commander-36-supplementaires-1385915> (date of access: 15.03.2022).

La France, une nation toujours influente // Areion24 News. 2020. 24 Dec. URL: <https://www.areion24.news/2020.12.24/la-france-une-nation-toujours-influente/> (date of access: 16.11.2021).

La Francophonie en bref // Organisation Internationale de la francophonie. URL: <https://www.francophonie.org/la-francophonie-en-bref-754> (date of access: 15.12.2021).

Le programme d'Eric Zemmour à la présidentielle 2022 // Programme.ericzemmour. URL: https://assets.nationbuilder.com/themes/61c071ce4764e8b1483d1a8c/attachments/original/1648220408/programme_eric_zemmour_presidentielle_2022.pdf?1648220408 (date of access: 22.02.2022).

Le programme de Marine Le Pen pour la présidentielle 2017 // Le Parisien. 2017. 23 Avr. URL: <https://www.leparisien.fr/elections/presidentielle/le-programme-de-marine-le-pen-pour-la-presidentielle-2017-13-02-2017-6677067.php> (date of access: 15.03.2022).

Lequesne Ch. Réflexions sur l'outil diplomatique de la France // La France dans le monde. Paris : CNRS Editions, 2021. P. 163–177.

Lequesne Ch. Recurrences et changements dans l'engagement européen // Badie B., Vidal D. La France, une puissance contrariée. Paris: Editions La Découverte, 2021. P. 72–80.

Les chiffres de l'aide française // Ministère de l'Europe et des des Affaires Etrangères. France Diplomatie. 2019. URL: Ministère de l'Europe et des des Affaires Etrangères. France Diplomatie. Les chiffres de l'aide française 2019 (date of access: 26.04.2022).

Les dépenses publiques pendant la crise et le bilan opérationnel de leur utilisation. Cour des comptes // Vie publique. 2021. 09 Sep. URL: <https://www.vie-publique.fr/sites/default/files/rapport/pdf/281413.pdf> (date of access: 15.10.2021).

Les Forces Armées dans la zone sud de l'Océan indien // Ministère de Armées. 2021. URL: <https://www.defense.gouv.fr/operations/forces-prepositionnees/forces-souverainete/forces-armees-zone-sud-locean-indien> (date of access: 15.12.2021).

Les résultats du second tour de l'élection présidentielle // Gouvernement. 2022. 25 Avr. URL: <https://www.gouvernement.fr/actualite/les-resultats-du-second-tour-de-lelection-presidentielle> (date of access: 29.04.2022).

Loi N 2018–607 du 13 juillet 2018 relative à la programmation militaires pour les années 2019 à 2025 et portant diverses dispositions intéressant la défense // Journal officiel de la République française. N 161 2018. 14 juill. Texte 1.

Macron E. Révolution. Paris: Editions XO, 2016. 268 p.

Massion F., Bauer A. La Finlande préfère le F-35 au Rafale // Les Echos. 2021. 10 Dec. URL: <https://www.lesechos.fr/industrie-services/air-defense/la-finlande-prefere-le-f-35-au-rafale-et-passe-une-commande-de-8-milliards-deuros-1371680> (date of access: 20.01.2022).

Maussion F. Rafale: les pays du Golf, meilleurs clients de l'industrie militaire française // Les Echos. 2021. 04 Dec. URL: <https://www.lesechos.fr/industrie-services/air-defense/rafale-les-pays-du-golf-meilleurs-clients-de-l-industrie-militaire-francaise-13669613> (date of access: 10.01.2022).

Ministère des Armées. Revue stratégique : une analyse lucide et volontariste pour préparer la prochaine loi de programmation militaire // Ambassade de France Au Japon. URL: <https://jp.ambafrance.org/Revue-strategique-une-analyse-lucide-et-volontariste-pour-preparer-la-prochaine> (date of access: 15.10.2021).

Obichkina E.O. Vneshnyaya politika E'mmanyue`lya Makrona: poiski geopoliticheskoy strategii v razladivsheysya mirovoj ierarxii [The foreign policy of Emmanuel Macron: the search for a geopolitical strategy in a disordered world hierarchy] // Aktual`ny`e problemy` Evropy` [Actual problems of Europe]. 2021. N 3. P. 235–274. (In Russ.)

Parmentier F. Les déterminants politiques // La France dans le monde, Paris: CNRS Editions, 2021. P. 29–43.

Peyrefitte A. C'était de Gaulle. Tome 1. La France redevient la France. Paris: Editions Fallois Fayard, 1994. 598 p.

Projet pour la France de Marine Le Pen. M. la France. Mon projet présidentiel. URL: <https://www.mlafrance.fr/pdfs/manifeste-m-la-france-programme-presidentiel.pdf> (date of access: 12.03.2022).

Schmitt O. L'épée et la carte: les forces armées et la présence française dans le monde // La France dans le monde. Paris: CNRS Editions, 2021. P. 179–193.

Sidorov A.S. «Evropejskaya oborona» cherez prizmu francuzskix interesov i vozmozhnostej [«European defense» through the prism of French interests and opportunities] // Aktual`ny`e problemy` Evropy` [Actual problems of Europe]. 2020. N 4. P. 137–169. (In Russ.)

Vitto A. L'interventionnisme pour maintenir la place de la France dans le monde // Badie B., Vidal D. La France, une puissance contrariée. Paris: La Découverte, 2021. P. 244–249.